

Россия и Япония
как ресурс
взаимного развития:
Взгляд из XXI в.
на проблему XX в.

Дмитрий Тренин,
Василий Михеев

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

Россия и Япония
как ресурс
взаимного развития:
Взгляд из XXI в.
на проблему XX в.

Дмитрий Тренин,
Василий Михеев

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР МАРШЕЛЛА
Carnegie Moscow Center for International Peace

Содержание

Резюме	4
Введение	6
Япония как ресурс развития «Востока России»	9
Что мешает использовать «японский ресурс» и что делать	13
Вариант № 1: развитие отношений в условиях нерешенности территориальной проблемы	17
Вариант № 2: решение по формуле «два плюс ...» и американский фактор	21
Заключение	25
О Фонде Карнеги	27

В начале XXI в. Россия и Япония выходят на новую траекторию развития. Токио стремится к новому позиционированию в мировой политике, адекватному ее экономической мощи. Это стремление Японии совпадает по времени с возвышением Китая, что создает совершенно новую ситуацию в Восточной Азии. Больше, чем когда бы то ни было прежде, Япония нуждается в надежных партнерах на Азиатском континенте. Москва, со своей стороны, все острее ощущает возрастающее давление главного геополитического вызова XXI в. — судьбы российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Россия стремится к сохранению целостности страны путем запуска новой модели развития. После столетия войн и конфронтации Россия и Япония фактически демилитаризовали свои отношения. Российско-японский военный конфликт столь же немислим, как, например, российско-германский или японо-американский. Стоящие перед Россией и Японией стратегические задачи объективно побуждают их смотреть друг на друга не через призму традиционных международных отношений, но прежде всего как на *взаимный ресурс развития*.

Сегодня и Россия, и Япония обладают тем, в чем нуждается другая сторона и что может быть взаимно «обменено». Япония для Российской Федерации — важный фактор развития восточных регионов. Россия для Японии — существенный фактор в формировании благоприятной международной политической и экономической среды.

С этих позиций решение территориальной проблемы — назревшая необходимость. Консервация застарелого спора лишает обе стороны тех выгод, которые они могли бы получить. Авторы доклада исходят из необходимости компромиссного решения и предлагают вариант, который они назвали «два плюс ...». Под «двойкой» в этой формуле подразумевается реализация Декларации 1956 г. путем передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан, после чего между двумя странами устанавливается международно признанная граница. Под «плюсом ...» понимаются те **материальные нетерриториальные выгоды, которая Россия предложит Японии в одном пакете с территориальным урегулированием**. В их числе:

- Последовательная и активная поддержка Россией стремления Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.
- Активное участие России в формировании Восточно-азиатского рынка углеводородов в интеграционном взаимодействии с Японией. Такое согласие сопровождалось бы внесением соответствующих коррективов в стратегию энергетического развития России.
- Привлечение японских компаний к энергетическим проектам на территории Российской Федерации.
- Специальные условия для японского капитала в деле экономического освоения Курильских островов.
- Тесное взаимодействие с Японией в обеспечении «мягкой посадки» для северокорейского режима, в том числе поддержка Москвой позиции Токио в вопросах похищенных северокорейскими спецслужбами японцев на шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной программе, а также в рамках двусторонних контактов между Москвой и Пхеньяном.
- Понимание Москвой курса Японии на расширение сферы применения японских Сил самообороны и внесение соответствующих изменений в Конституцию страны. Для принятия варианта «два плюс ...» обеим сторонам потребуется политическая воля и определенная смелость. Россия должна будет *уступить* территорию, а ее руководители — объяснить эту уступку. Еще большая смелость потребуется японскому руководству, несмотря на то что Япония *приобретает* территорию, которую не может получить иначе чем с добровольного согласия Российской Федерации. При этом стратегические преимущества, которые «глобально возвышающаяся» Япония может получить от «российского ресурса», и возврат (а Япония в глазах общественности именно *приобретает* территории) двух островов, на взгляд авторов доклада, объективно все же перевешивают неизбежное разочарование части японского истеблишмента по поводу того, что спорные территории передаются Японии не в полном объеме.

Россия же, идя на дополнительные (и материально значимые) шаги навстречу Японии в формате «плюс ...», может — при условии успешной «домашней работы» по формулированию и запуску новой модели развития восточных регионов — приобрести мощный «японский ресурс» развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. И тем самым способствовать решению главной геополитической проблемы России в XXI в. — сбалансированного развития западной и восточной частей страны и тем самым сохранения целостности российского государства и обеспечения его процветания.

В начале вторых сроков президентства В. Путина и премьерства Дз. Коидзуми Россия и Япония выходят на новую траекторию развития в условиях глобализации национальных хозяйственных интересов и интересов безопасности. Япония стремится к новому позиционированию в мировой политике, адекватному ее экономической мощи. При этом «мировое политическое возвышение» Японии совпадает по времени с «возвышением» другого азиатского гиганта — Китая, что создает совершенно новую ситуацию в Восточной Азии. Россия, со своей стороны, все острее ощущает возрастающее давление главного геополитического вызова XXI в. — судьбы российского Дальнего Востока и Восточной Сибири в контексте сохранения целостности страны и поиска новой модели развития. После столетия войн и конфронтации Россия и Япония больше не враждуют и не противостоят друг другу: военный конфликт между ними столь же немыслим, как, например, между Россией и Германией. Москва и Токио сотрудничают в борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, участвуют в работе «Восьмерки». Более того, стоящие перед Россией и Японией стратегические задачи объективно побуждают их не только видеть друг в друге объект традиционного добрососедства или партнерства в области безопасности, но прежде всего страны, представляющие друг для друга *взаимный ресурс развития*.

Сегодня и Россия, и Япония обладают тем, в чем нуждается другая сторона и что может быть взаимно обменено — независимо от того, как продвигается диалог по «северным территориям». Для России это взгляд на Японию как на ресурс подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока и решения тем самым проблемы целостности и равномерности развития России. Новые обстоятельства со стороны Японии связаны с ее изменяющимся глобальным политическим позиционированием и смещением приоритетов стратегии национальной безопасности — в частности, в сторону энергетических факторов. В этом смысле Россия может стать важным ресурсом стабильности развития Японии в XXI столетии.

На таком фоне — несмотря на распространенный скептицизм относительно того, что российско-японские отношения будут постоянно спотыкаться о нерешенную территориальную проблему, — общественность двух стран вправе ожидать от своих правительств если не прорыва, то серьезного продвижения вперед. В пользу такой перспективы свидетельствует и то, что у лидеров двух стран есть запас внутривнутриполитической «прочности» и политического времени для принятия прорывных решений, и символизм отмечаемых в этом году 150-летия установления дипломатических отношений между Россией и Японией, 60-летия окончания Второй мировой войны и других «круглых дат»*.

Для практического прорыва, однако, нужен новый концептуальный подход к российско-японским отношениям. Национальные интересы не являются вечными и раз и навсегда данными и не существуют вне восприятия и формулирования их политиками, чья функция состоит в принятии и исполнении политических решений, их разработке, подготовке или «проталкивании». Сам факт создания российско-японского Совета мудрецов как раз и отражает понимание обеими сторонами необходимости выйти из «идейного тупика островных противоречий». Совету удалось показать, что у двух государств много совпадающих интересов в политике, экономике, сфере безопасности, культуре, науке, что споры надо оставить будущим поколениям. Но сегодня важно пойти дальше — попытаться понять стратегическую значимость России и Японии друг для друга, увидеть друг в друге ресурс развития. А увидев, использовать его.

Данный проект Московского Центра Карнеги ставит перед собой именно такую цель: дать новое понимание стратегической значимо-

---

* 150 лет Трактату о торговле и границах, заключенному в Симода 25 января (7 февраля) 1855 г.
130 лет Трактату, заключенному между Россией и Японией в Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 г., с дополнительной статьей, подписанной в Токио 23 августа (4 сентября) 1875 г.
110 лет Договору о торговле и мореплавании, заключенному между Россией и Японией в Петербурге 27 мая (8 июня) 1895 г.
100 лет Портсмутскому мирному договору, заключенному между Россией и Японией 23 августа (5 сентября) 1905 г.
80 лет Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г.
60 лет Заявлению советского правительства правительству Японии от 8 августа 1945 г.
60 лет со дня подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г.

сти России и Японии друг для друга как «взаимного ресурса развития» и — отталкиваясь от такого понимания — предложить вариант решения территориальной проблемы.

Методологической основой проекта является взгляд из России на Японию как на ресурс развития Дальнего Востока и Восточной Сибири — масштабной задачи сохранения территориальной целостности России и ее если не равномерного, то «приемлемо неравномерного» развития на Западе и Востоке страны или, иначе, в европейской и азиатской России. Со своей стороны и Россия является мощным ресурсом — политическим и энергетическим — решения стратегической задачи обретения Японией новой роли и нового статуса в меняющемся мире. В этом контексте обе страны жизненно заинтересованы в том, чтобы уменьшить те потери исторического времени, которые они неоправданно несут из-за неурегулированного территориального спора, доставшегося нынешнему поколению государственных деятелей от времен Второй мировой войны.

Предлагаемый доклад — результат обсуждений в рамках рабочей группы экспертов из Москвы, Хабаровска (член-корреспондент РАН П. Минакир) и Владивостока (доктор исторических наук В. Ларин). Члены рабочей группы выражают глубокую признательность директору Московского Центра Карнеги Э. Качинсу за внимание к поставленной проблеме и создание необходимых условий для успешной работы. Всю ответственность за текст доклада и содержащиеся в нем конкретные предложения несут его авторы — Д. Тренин и В. Михеев.

Япония как ресурс развития «Востока России»

Япония стала первым крупным торговым партнером российского Дальнего Востока в послевоенной экономической истории. В 1960—1970-х годах во многом благодаря экономическому сотрудничеству с Японией на Дальнем Востоке получили развитие в экономически эффективных масштабах лесная, рыбная и угольная промышленность, морские порты, был дан толчок разведочным и оценочным работам по нефти и газу. В этот период экономическое сотрудничество с Японией основывалось на межправительственных соглашениях, которые носили не только отраслевой, но и макроструктурный характер, охватывая сферу производства, потребительского рынка, производственной инфраструктуры, технологии и организации труда.

В конце 1980-х годов — после появления в 1987 г. в СССР первых документов, регулирующих использование иностранных инвестиций, — роль Японии в экономическом развитии Дальнего Востока еще больше возросла. Параллельно межправительственным соглашениям в экономику Дальнего Востока в форме совместных предприятий стали проникать мелкие и средние проекты японского бизнеса в лесной и рыбной промышленности, сфере гостиничного бизнеса. Это дало кратковременный, но ощутимый структурный толчок развитию экономики региона. В частности, заметен был вклад японского капитала в развитие деревопереработки, рыбо-разведения, строительства и реконструкции отелей и ресторанов небольшого размера, а также в создание современных средств и линий связи.

Наиболее масштабным и имеющим реальное значение для экономики и внешне-экономических связей Дальнего Востока проектом с участием Японии является освоение нефтегазовых ресурсов шельфа острова Сахалин, оказывающее широко-масштабное влияние на инвестиционную, структурную, технологическую и социальную ситуацию в регионе. Благодаря получаемым под это заказам существенно укрепилось финансовое положение предприятий судостроения и металлообработки, строительных организаций, проектно-конструкторских и транспортных организаций Хабаровского и Приморского краев, Сахалинской области. Область регулярно получает дополнительные финансовые доходы в форме роялти и имеет возможность существенно укреплять и модернизировать местную инфраструктуру (стро-

ительство газо- и нефтепроводов, модернизация портов, развитие экологического мониторинга).

Сахалинские проекты сегодня остались между тем едва ли не единственным крупным примером участия Японии в развитии российского Дальнего Востока. Возникшие в конце 1980-х — начале 1990-х годов совместные российско-японские предприятия практически прекратили существование, и хотя Япония по-прежнему является ведущим иностранным инвестором на Дальнем Востоке, размер этих инвестиций крайне невелик. Крупные межправительственные соглашения компенсационного типа, характерные для 1960—1970-х годов, в современных условиях уже нереализуемы. Доля Японии в совокупном внешнеторговом обороте Дальнего Востока постепенно снизилась с 35% в начале 1990-х годов до 20% в настоящее время. Последнее десятилетие стало по существу временем затяжного спада в российско-японских экономических отношениях на Дальнем Востоке.

Тем не менее надежды на Японию остаются, иллюзии оказались достаточно стойкими, их не могут развеять ни многократные безрезультатные переговоры о судьбе Курильских островов, ни опыт прошедших десятилетий. Сохраняется убежденность дальневосточников в том, что Япония заинтересована в дальневосточных ресурсах и вложении капиталов в российскую экономику.

В этом контексте Дальний Восток ожидает многого от намечаемого строительства **магистрального нефтепровода по маршруту Тайшет — Находка как инструмента системного стимулирования региональной экономики**. Во-первых, строительство нефтепровода по этому маршруту будет означать создание дополнительного инфраструктурного коридора в южной части Дальнего Востока, который превратится в перспективе в «ось освоения и развития». Во-вторых, строительство нефтепровода обеспечит значительный рост спроса внутри региона на рынках металлообработки, строительных материалов, транспортных и строительных услуг. В-третьих, возрастут доходы в корпоративном секторе Дальнего Востока, в домашних хозяйствах, в бюджетах субъектов Федерации и муниципалитетов. В-четвертых, значительно увеличится загрузка морских портов, возникнет необходимость их модернизации и строительства новых терминалов с соответствующими положительными последствиями для рынка занятости и внешней торговли региона.

Потенциальным каналом вовлечения Японии в экономику российского Дальнего Востока представляется более широкое **участие Японии в развитии россий-**

ских энергоресурсов (нефть, газ, уголь, электроэнергия), в частности Эльгинского месторождения угля в Якутии. В перспективе возможен и возврат по какой-либо новой схеме к идее крупномасштабных компенсационных соглашений в области энергетики и топлива.

Уход японского капитала из промышленности лесопереработки Дальнего Востока, прекращение японских инвестиций в лесозаготовительную промышленность привели к переориентации лесного комплекса Дальнего Востока на китайский рынок. При этом убытки терпят как сам лесной комплекс Дальнего Востока, так и Япония. Дальний Восток теряет доходы в результате лесной контрабанды и ухудшения структуры производства и экспорта, а Япония несет потери из-за невозможности конкурировать с дешевыми лесоматериалами, поставляемыми Китаем, перерабатывающим российскую древесину. Поэтому в качестве одной из ниш для Японии на Дальнем Востоке видится **возврат японских инвестиций в лесную промышленность региона и развитие на современной технологической базе мобильных производств по переработке древесины**, нацеленных на экспорт как в Японию, так и в Китай. Это даст выигрыш экономике обеих сторон и укрепит их конкурентные позиции по отношению к Китаю.

Другая потенциальная ниша для Японии — развитие в Хабаровском и Приморском краях современных **производств по выпуску сравнительно сложной бытовой электронной и электротехнической продукции (телевизоров, аудио- и видеомэгафонов, микроволновых печей, стиральных машин, холодильников)**, конкурентоспособных на российском рынке. Здесь в принципе может появиться возможность использовать технологические и дизайнерские возможности японских промышленных лидеров. Кооперация — в той или иной форме — с ведущими японскими производителями могла бы существенно усилить конкурентные позиции дальневосточных предприятий и позволить им продвигать свою продукцию на общероссийском рынке.

Существенное значение для перспектив российско-японского сотрудничества на Дальнем Востоке имеет и **эмоциональное восприятие россиянами и японцами друг друга**. Во всяком случае, с российской стороны существует мощный положительный настрой на развитие отношений с Японией. Япония остается наиболее «симпатичной» страной для значительной части населения Дальнего Востока. Около 45% жителей региона считают Японию страной, вызывающей у них наибольшие симпатии (Южная Корея — 12%, КНР — 9%, КНДР — 3%). Ни одно из го-

сударств мира не в состоянии конкурировать с Японией по уровню популярности в данном регионе России (отношение дальневосточников, как и вообще россиян, к США сильно политизировано, на него влияют различные международные кризисы и их освещение в средствах массовой информации). Что касается главных причин японской популярности, то среди них отмечаются экономические достижения Японии (53% опрошенных), а также сохраняющийся интерес к ее экзотической культуре (42%). Значительная часть населения региона оценивает российско-японские отношения как нормальные: 29% назвали их хорошими и очень хорошими и 52% — удовлетворительными. Еще более оптимистична оценка их перспектив: соответственно 44% и 37%. При этом за последние десять лет в четыре раза (с 22% до 5%) сократилось количество пессимистов, предрекающих неблагоприятное развитие отношений России с Японией в ближайшей перспективе. Люди понимают, что от характера взаимоотношений с этим государством во многом зависит будущее и их самих, и всего Дальнего Востока, и «Азиатской России».

Что мешает использовать «японский ресурс» и что делать

На Японских островах ожидание больших успехов от сотрудничества с Россией за последнее десятилетие сменилось пессимизмом. Высочайшая активность японского бизнеса, проявленная в самом начале 1990-х, когда «десанты» из сотен японских предпринимателей и политиков высадились на просторах Дальнего Востока для выяснения потенциала и перспектив развития территории, когда японские бизнесмены, прежде всего с западного побережья страны, рискнули вложить капиталы в российскую экономику, быстро исчерпала себя. Лишь немногие инвесторы, пришедшие на Дальний Восток в начале 1990-х годов, смогли адаптироваться к российским реалиям. Японцы тяготеют к комфортному бизнесу и исключительно чувствительны к отсутствию таких условий для нормальной предпринимательской деятельности, как соблюдение законов, стабильность власти и правовой системы, обязательность и порядочность партнеров. Россия в глазах японцев не только унаследовала пороки советского государства — агрессивность, экспансионизм, национализм, но и приобрела новые: криминализацию общества, коррупцию, беззаконие.

Несостоятельными оказались идеи привлечь японские технологии для конверсии военно-промышленного комплекса Дальнего Востока. Слишком глубоок, как выяснилось, технологический отрыв Японии. Далекими от рыночных были формы и методы, с помощью которых «красные директора», местные чиновники и «новые русские» пытались взаимодействовать с осторожными японцами. Дорогие японские товары, несмотря на их высокое качество, проигрывают в условиях обнищания местного населения конкуренцию дешевой китайской продукции с ее нередко фальсифицированными брендами.

История первых постсоветских лет показывает, что сотрудничество с Японией возможно и в условиях нерешенности территориальной проблемы. Однако его продолжению мешают многие факторы. Некоторые из них имеют общий характер: коррупция, бюрократизация российской экономики, инфраструктурные и демографические проблемы «азиатской России», неблагоприятный деловой климат, криминализация дальневосточной экономики и другие российские беды. Их преодоление, безусловно, всецело зависит от нормализации ситуации в России в целом и не связано с принятием каких-либо шагов «исключительно в японском направлении».

Другие препятствия — концептуального характера. Они связаны с отсутствием «Большой азиатской стратегии России», которая бы во внутреннем плане учитывала географическую и экономическую специфику огромной по территории, но малонаселенной «Азиатской России», а во внешнем четко прописывала бы приоритеты многостороннего взаимодействия России с Восточной Азией и двусторонних отношений с азиатскими соседями.

В последние год-два Москва обозначила активность на восточно-азиатском направлении. В 2003 г. был подписан российско-японский «План действий». В 2004 г. Россия окончательно решила территориальные проблемы с Китаем, завершив одновременно формирование институциональной базы развития отношений с КНР. Россия демонстрирует интерес к шестисторонним переговорам по Северной Корее и проявляет активность на Региональном форуме АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ) и форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). Конечно, «возросшее внимание» к Восточной Азии не означает, что оно достаточно. Тем не менее оно позволяет вновь поставить перед российским руководством старый концептуальный вопрос: **какова должна быть стратегия развития Дальнего Востока России с учетом существующих здесь естественных факторов хозяйствования? А именно: малочисленного населения и, следовательно, малого спроса, малых накоплений и инвестиционных возможностей, с одной стороны, и обширных неосвоенных территорий с разбросанными природными ресурсами, требующими долгосрочных и огромных капитальных затрат, — с другой.**

Теоретически ответ на дилемму очевиден: нужны внешние (по отношению к региону, т. е. и иностранные, и западно-российские) источники инвестиций и рынки сбыта при параллельном развитии внутреннего производства, ориентированного на внутрирегиональный спрос, хотя и небольшого, но все же значимого в масштабах Российской Федерации многомиллионного населения Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

В стратегическом плане полезной и работающей представляется идея подключения российского Дальнего Востока к формирующемуся в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Китая и Южной Кореи интеграционному экономическому, финансовому и технологическому пространству. Однако на практике для создания механизмов трехсторонней интеграции в СВА потребуется время, в течение которого двусторонние связи российского Дальнего Востока и Восточной Сибири с каждым из трех партнеров будут главной формой вовлечения России в региональные интеграционные процессы.

При этом важно учитывать векторную направленность японского бизнес-интереса. Япония имеет объективный экономический интерес к четырем сферам сотрудничества с российским Дальним Востоком: энергоресурсам, лесу, морепродуктам и высоким технологиям. Япония обладает также максимальными по сравнению с другими странами СВА финансовыми возможностями для инвестирования в разработку и освоение нефтегазовых месторождений региона. Япония заинтересована в том, чтобы перенаправить лесные потоки, которые сегодня сначала идут в Китай на переработку и уже затем попадают в Японию, по иному маршруту, предусматривающему лесопереработку в самой России. Япония также заинтересована в декриминализации и более цивилизованном, ресурсосберегающем освоении российских морских биоресурсов. Японские корпорации проявляют в последний год некоторый интерес к технологическому сотрудничеству с дальневосточными производителями бытовой электроники, уже имеющими свой бренд в этом регионе России.

Здесь интересы японского бизнеса и внутрирегиональные интересы дальневосточной и восточносибирской экономики совпадают.

Японский бизнес имеет традиции *кооперационного и интеграционного* (а не просто торгово-сбытового) мышления, т. е. способен видеть синергетический эффект от интеграционного сотрудничества с зарубежными партнерами. Следует упомянуть также традиции и богатый опыт в сфере переноса производств в другие, менее развитые страны. При этом такого рода производства уже не составляют конкуренцию собственно японским корпорациям, хотя и могут рассматриваться как конкуренты южнокорейских и особенно китайских компаний, использующих аналогичные схемы приема иностранного капитала и технологий. Это гипотетически расширяет поле взаимодействия с Японией по созданию современных производств на российской территории.

Вместе с тем японский бизнес ждет сигнала для начала более активной работы на российском Дальнем Востоке — причем не только из Токио, но и из самой России. Сигнала, который может в общем виде быть сформулирован в качестве широко известного тезиса о «создании цивилизованной деловой среды для иностранного и российского бизнеса на Дальнем Востоке России».

В практическом плане роль такого рода сигнала могла бы сыграть скорректированная (и ясно донесенная до японского руководства, а через него — до японского бизнеса) стратегия экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Главными ее направлениями — параллельно с совершенствованием внут-

ренного хозяйственного законодательства и разбюрокрачиванием российского бизнеса в целом — могли бы стать следующие идеи:

- **Заявленная готовность России участвовать своими восточносибирскими и дальневосточными ресурсами в создании Восточно-азиатского рынка углеводородов, а также регионального, в рамках СВА, резервного нефтяного фонда.**
- **Изменение принципов работы Федеральной программы развития Восточной Сибири и Дальнего Востока: переход от финансирования отдельных проектов к определению отраслевых приоритетов, в том числе и с точки зрения их привлекательности для японских, равно как и других иностранных инвесторов.**
- **Дополнение стратегии развития Восточной Сибири и Дальнего Востока России как «транзитной территории» другой стратегией — создания ориентированных на внутреннее потребление и на экспорт местных производственных баз вдоль основных транспортных коридоров на Находку, в порт Восточный и Благовещенск. Это позволило бы перераспределять в региональных интересах часть прибавочной стоимости, создаваемой на территории дальневосточной «транзитной зоны».**
- **Усиление двустороннего, в том числе с Японией, и многостороннего, со всеми странами СВА, сотрудничества по декриминализации в первую очередь таких отраслей дальневосточной экономики, как лесозаготовки и морские биоресурсы.**

К этому следует присовокупить четко прописанное в экономической стратегии Российской Федерации признание важности «восточного направления» развития энергетики наряду с «западным» — с учетом нарастающего спроса со стороны экономики СВА, суммарный ВВП которой уже сейчас составляет порядка 75% ВВП Европейского союза.

Мы понимаем, что нерешенная территориальная проблема не является единственным и даже главным препятствием в задействовании «японского ресурса» в интересах развития Дальнего Востока и Сибири. Тем не менее игнорировать проблему или полагать, что она решится сама собой, не приходится. Остается либо настраиваться на развитие отношений в условиях нерешенности пограничного вопроса, т. е., образно говоря, на езду вперед с нажатым тормозом, либо искать взаимоприемлемые варианты решения.

Вариант № 1: развитие отношений в условиях нерешенности территориальной проблемы

В конце 2004 г. Москва сделала компромиссное предложение о решении территориального спора с Японией в рамках ратифицированной парламентами обеих стран Декларации 1956 г., предусматривающей передачу двух из четырех оспариваемых Японией островных территорий. Токио ответил отказом, продолжая настаивать на возврате всех четырех островов. При этом в обеих странах доминирует убеждение, что территориальный вопрос не будет решен ни на ближайших российско-японских саммитах, ни в среднесрочной перспективе — до окончания вторых сроков правления российского президента и японского премьера. На этом фоне стремление сторон улучшать взаимные отношения (а такое присутствует у политиков, бизнесменов, интеллектуальных и региональных элит России и Японии) возвращает к старому вопросу: *как глубоко может развиваться российско-японское сотрудничество в условиях нерешенности территориального спора?*

За время правления В. Путина и Дз. Коидзуми сторонам удалось сформулировать концептуальную основу для ответа на данный вопрос — параллельное развитие диалогов по вопросам безопасности, политики и экономики и по территориальной проблеме. На деле, однако, нерешенность территориальной проблемы и отсутствие мирного договора тяготят над реальным российско-японским взаимодействием, не позволяя обеим сторонам использовать потенциал сотрудничества в своих национальных интересах и в интересах региональных и глобальных рынков, а также региональной и глобальной стабильности.

Парадоксальность российско-японских отношений, обусловленная территориальным фактором, состоит в следующем.

В области *военной безопасности* Россия не рассматривает Японию в качестве прямой военной угрозы, полагая, что японские Силы самообороны могут представлять таковую только в случае маловероятного военного конфликта между Россией и США. Япония также перестала считать Россию источником военной угрозы, усматривая ее в Северной Корее и военном строительстве в Китае.

В сфере *глобальной безопасности* и политики позиции России и Японии по таким вопросам, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, экологическая безопасность, совпадают либо очень близки. По региональным конфликтам — Северная Корея, Ближний и Средний Восток, Афганистан — подходы двух стран принципиально близки, что делает Россию и Японию партнерами и создает основу для их политического союзничества с целью укрепления региональной стабильности.

В *экономике* взаимодополняющий характер хозяйственных структур России и Японии создает принципиальную основу для интеграционного соразвития.

В области *культуры и межличностных отношений* россияне и японцы в массе своей лишены чувств исторической вражды и относятся друг к другу с интересом и симпатией.

И тем не менее Москва и Токио — справедливо, на наш взгляд, — остаются неудовлетворенными состоянием двусторонних отношений. Принцип «параллельности» по существу не работает, продолжая «спотыкаться» о проблему «северных территорий».

Авторы доклада исходят из того, что в настоящее время в России и Японии, вслед за изменениями мировой и азиатско-тихоокеанской обстановки, появились существенные новые обстоятельства, которые позволяют с иной точки зрения подойти к решению вопроса о том, как развивать российско-японские отношения в условиях нерешенности территориальной проблемы.

1. Япония активизирует усилия, направленные на выравывание дисбаланса между ее экономической мощью и относительно слабой глобальной политической ролью. Токио, с одной стороны, активнее, чем прежде, участвует в международных миротворческих операциях, режимах по сдерживанию распространения оружия массового уничтожения, урегулированию региональных конфликтов, а с другой — пытается повысить свой статус в ООН до уровня постоянного члена Совета Безопасности. В этой связи поддержка России имела бы для Японии существенное значение.

2. Токио вносит изменения в военную доктрину, предусматривающие более широкое использование Сил самообороны за рубежом. Сигнал из России об отсутствии у Москвы аллергии к японским планам военного строительства явился бы для Токио позитивным фактором.

3. Глобальное политическое возвышение Японии происходит в новых международных условиях, характеризующихся перефокусированием американской стратегии безопасности на войну с мировым терроризмом, что делает Россию и Японию союзниками США (и других ведущих стран) в этой борьбе.

4. Нестабильность мировых рынков нефти, в значительной мере как следствие политической нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке, подталкивает Японию к корректировке стратегии обеспечения национальной энергетической безопасности. Ключевым моментом здесь является стремление Токио создать региональный Восточно-азиатский рынок углеводородов, на котором Япония могла бы играть лидирующую роль. Аналогичные планы, но уже в свою пользу, в 2004 г. сформулировал и Китай. При этом без российских ресурсов углеводородов на Сахалине, в Иркутской области и Якутии реализация подобных планов и Японией, и Китаем не представляется возможной. Ресурсы российской Восточной Сибири и Дальнего Востока, таким образом, превращаются в стратегический резерв, за счет которого Токио мог бы решить долгосрочные задачи обеспечения национальной энергетической безопасности.

Нарастающая экономическая конкуренция и политическое соперничество между Японией и Китаем объективно ставят Россию и Японию перед новыми вызовами в рамках условного политического треугольника «Пекин — Москва — Токио», несущего в себе как потенциал сотрудничества, так и запал соперничества. В интересах России в этой связи укреплять взаимодействие и снижать вероятность конфликтов.

5. Российские аналитики фиксируют сохраняющийся интерес региональных (бассейн Японского моря) политических и деловых элит Японии к сотрудничеству с Россией. Однако этот интерес остается несформулированным — японские регионы ждут не только политического сигнала из Токио, но и направляющих указаний, чтобы использовать региональное сотрудничество с российским Дальним Востоком в своих локальных интересах.

В условиях проведения «параллельной» дипломатии и взаимного обмена стратегическими возможностями между Москвой и Токио в иной плоскости видится и проблема российско-японского мирного договора. Декларация 1956 г. юридически и фактически подводит черту под Второй мировой войной, устанавливая полномасштабные дипломатические отношения между Москвой и Токио. В качестве усиления договорно-правовой базы наших отношений рациональнее в существующих ус-

ловиях вести речь не о мирном договоре традиционного типа, а о договоре иного содержания — например, о договоре о взаимодействии в новых условиях глобализации и нетрадиционных угроз безопасности. Суть данного предложения состоит не в том, чтобы сказать, что территориальный вопрос якобы теряет остроту. Мы обращаем внимание на то, что как Россия, так и Япония сталкиваются в нынешнем меняющемся мире с такими вызовами и рисками, реагировать на которые необходимо независимо от того, в каком состоянии находится диалог по «северным территориям». Мы также стремимся показать, как глубоко могли бы развиваться российско-японские отношения на согласованных принципах «параллельности» и в условиях нерешенности территориального спора.

Последнее возможно, конечно, при условии, что удастся «повернуть мозги» в верном направлении, дать осовремененное прочтение российских и японских национальных интересов и проявлять настойчивость в их реализации. Российские и японские лидеры должны осознать, что отсутствие того или иного варианта решения по территориальной проблеме наносит ущерб обеим сторонам — по меньшей мере в виде нереализованных возможностей и упущенной выгоды.

Вариант № 2: решение по формуле «два плюс ...» и американский фактор

Авторы доклада исходят из того, что, несмотря на существующие сложности и кажущуюся неизбежность следования принципам «параллельности», у России и Японии есть исторический шанс осуществить прорыв в отношениях уже в 2005 г. Вопрос не представляется нерешаемым и находится в плоскости политической воли и стратегической дальновидности руководства двух стран. Именно апеллируя к их воле и дальновидности, авторы доклада предлагают второй вариант решения территориальной проблемы — с учетом стратегической заинтересованности России и Японии друг в друге как «взаимном ресурсе развития» — по схеме «два плюс ...». Под «двойкой» в этой формуле подразумевается предложенная Москвой идея решения территориального спора в формате Декларации 1956 г. путем передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан, после чего между двумя странами устанавливается международно признанная граница. Под «плюсом ...» понимаются те **нетерриториальные выгоды, которая Россия может предложить Японии «в обмен» на принятие компромиссного варианта.** К ним относятся:

- Последовательная поддержка Россией — но именно в рамках «пакетного решения» — устремлений Японии на место в числе постоянных членов Совета Безопасности ООН. Такая поддержка понадобится Токио, если учесть уже отмечавшуюся выше позицию Пекина, а также определенных политических кругов в США по вопросу предоставления Японии статуса постоянного члена Совета Безопасности.
- Согласие России на активное участие в формировании Восточно-азиатского рынка углеводородов в интеграционном взаимодействии с Японией. Такое согласие сопровождалось бы внесением соответствующих коррективов в стратегию энергетического развития России.
- Содействие в обеспечении «мягкой посадки» для северокорейского режима, предусматривающее в числе прочего и дрейф российской позиции в сторону активной поддержки Японии в вопросах «похищенных» (северокорейскими спецслужбами) японцев на шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной программе, а также в рамках двусторонних контактов между Москвой и Пхеньяном.

- Понимание — обусловленное согласием Токио на компромиссный вариант решения территориального спора — курса Японии на расширение сферы применения японских Сил самообороны и внесение соответствующих изменений в Конституцию страны.

Кроме того, Россия могла бы «со своего угла» содействовать тому, чтобы в отношениях Японии и Китая, параллельно идущих путем «глобального возвышения», усиливались компоненты сотрудничества, а не соперничества. Это возможно путем отказа от «игры на противоречиях Токио и Пекина» и, напротив, выстраивания линии на привлечение и Японии, и Китая к развитию нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока и формированию рынка углеводородов в Восточной Азии.

Наконец, для «сохранения политического лица» тех сил в Японии, которые будут рассматривать решение территориального спора на основе Декларации 1956 г. не как компромисс, а как «незавершенность спора», стороны могли бы пойти на еще один компромисс, а именно на договоренность (после возврата двух островов и подписания договора, урегулирующего территориальный спор) отложить дискуссию по двум другим островам на 50 лет, предоставив при этом японскому капиталу право доступа к освоению совместно с Россией ресурсов Курильских островов.

Для принятия варианта «два плюс ...» обеим сторонам потребуется политическая воля и определенная смелость. Ведь Москва, в глазах российской общественности, в любом случае *отдает* свои территории. Однако учитывая, что Россия в принципе готова к варианту «два», большая смелость и, возможно, даже дерзость потребуются японскому руководству. При этом стратегические преимущества, которые «глобально возвышающаяся» Япония может получить от «российского ресурса», и возврат (а Япония в глазах общественности именно *приобретает* территории) двух островов, на наш взгляд, объективно все же перевешивают неизбежные разочарования части японского истеблишмента по поводу того, что спорные территории передаются Японии не в полном объеме. Впрочем, как показали десятилетия послевоенной истории, целиком эту задачу не удастся решить ни политическим давлением, ни историческими или международно-правовыми ссылками. Альтернативой частичному решению до сих пор было отсутствие всякого решения.

Россия же, идя на дополнительные — и материально значимые — шаги навстречу Японии в формате «плюс ...», может (при условии успешной «домашней рабо-

ты» по формулированию и запуску новой модели развития восточных регионов) приобрести мощный «японский ресурс» развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и тем самым внести весомый вклад в решение главной геополитической проблемы России в XXI в. — проблемы сбалансированного развития западной и восточной частей страны и, таким образом, сохранения целостности российского государства.

У российско-японских отношений есть еще и важный *американский аспект*. За 60 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, фактор политики США играл большую роль в истории отношений Москвы и Токио. В российском экспертном сообществе существует распространенное убеждение, что именно США были главным противником нормализации российско-японских отношений в годы «холодной войны». Авторы доклада не ставят своей целью анализировать такую позицию, но хотят подчеркнуть, что после окончания «холодной войны», особенно в последние годы — в условиях борьбы с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, — ситуация кардинально изменилась. Сегодня возникает острая потребность и складываются наиболее благоприятные за послевоенные годы условия для формирования в США региональной структуры безопасности с участием России, Японии, США, Китая и Южной Кореи.

Суть новой политической ситуации в том, что в отношениях России, с одной стороны, и Японии и США — с другой исчезло системное противостояние. После 2001 г. Россия и Япония стали участниками возглавляемой США международной антитеррористической коалиции, присоединились к предложенной Вашингтоном «Инициативе безопасности в области распространения» (PSI). Ни одна из стран в треугольнике «Россия — Япония — США» не рассматривает другие две страны как источник военной угрозы. Конечно, существует еще немало преград, которые мешают реальному становлению и развитию механизмов российско-японо-американского глобального и восточно-азиатского регионального партнерства, в том числе и территориальная проблема в отношениях России и Японии. Однако важно другое: объективно, исходя из новых интересов безопасности и связанных с их реализацией задач, Вашингтону выгодна полная нормализация российско-японских отношений. А следовательно, выгодно и решение территориального спора.

При этом участие США в нормализации отношений России и Японии по территориальному вопросу не только укрепило бы антитеррористическую коалицию, 23

но и усилило бы международные позиции Вашингтона. В этом смысле та часть российской и японской общественности, которая склонна поддержать «компромисс по островам», вправе ожидать нового и более активного подхода США к территориальным проблемам России и Японии, в частности, практического содействия администрации Дж. Буша урегулированию российско-японских разногласий и выражения явной или по крайней мере косвенной поддержки варианта «два плюс ...».

Заключение

Итак, у России и Японии есть несколько возможных стратегий поведения в вопросе о «северных территориях».

Первая — максимализм: вопреки достигнутому между В. Путиным и Дз. Коидзуми договоренностям о «параллельном» развитии экономического и политического диалога и дискуссий о территориальной проблеме вновь рассматривать территориальный вопрос как главное препятствие углублению российско-японских отношений, а его решение на основе передачи всех четырех островов — как предпосылку к дальнейшему взаимодействию. В этом случае сторонам не избежать упущенной выгоды в сфере двусторонних экономических и гуманитарных контактов, в двустороннем политическом взаимодействии, а также в многосторонних глобальных и региональных форматах по проблемам безопасности и сотрудничества с участием России и Японии.

Вторая — параллелизм: проводить курс на «параллельное» развитие разностороннего сотрудничества и продолжение бесконечного по сути территориального диспута и искать пути углубления отношений в условиях нерешенности территориальной проблемы. Этот вариант дает больше шансов на получение взаимной выгоды. Однако на практике он характеризуется тем, что Россия и Япония постоянно «спотыкаются» о послевоенный территориальный спор в стремлении решать устремленные в будущее стратегические задачи. В результате Россия и Япония упускают историческую выгоду от того, что не используют друг друга именно как «стратегический ресурс развития».

Третья — решение территориального спора по формуле «два плюс ...», подразумевающей, повторим еще раз, (а) возврат Японии двух островов в формате Декларации 1956 г., (б) заключение договора, устанавливающего международно признанную границу между Россией и Японией, (в) предоставление «нетерриториальных выгод» друг другу и (г) замораживание на 50 лет официальной дискуссии о принадлежности двух оставшихся островов при их совместном хозяйственном освоении.

В этом случае стороны приобретают историческую возможность использовать друг друга как «ресурс развития», ресурс решения масштабных задач России и Японии, связанных, соответственно, с ответом на главный геополитический вызов России нового века и «глобальным возвышением» Японии.

Нынешний год «круглых дат» в российско-японских отношениях, когда лидеры двух стран все еще сохраняют большую поддержку населения, несмотря на падение доверия граждан к возглавляемым ими правительствам, представляется наиболее подходящим для осуществления прорыва.

В реализации этого варианта позитивную роль мог бы сыграть и американский президент. Сыграть — и тем самым подтвердить роль США в функционировании и развитии системы международных отношений. Содействуя сближению России и Японии (и развитию российского Дальнего Востока и Сибири), США действовали бы также и в собственных национальных интересах. Также как Москва и Токио, Вашингтон мог бы прийти к выводу, что в условиях глобализации мировой экономики и угроз безопасности, реальности международной борьбы с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения структура и содержание национальных интересов кардинально меняются.

Авторы доклада, конечно, понимают, что вариант решения по схеме «два плюс ...» наиболее труден в осуществлении и потребует от лидеров государств политической смелости, стратегической мудрости и тактической дерзости. Но шанс все же есть.

Решающее слово — за президентом России и премьер-министром Японии.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.carnegieendowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (095) 935-8904; Факс: +7 (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации – Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке Посольства Японии в РФ и благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York. В соответствии с условиями предоставления грантов издание распространяется бесплатно.